

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й)

Р Русская литература

№ 1

И С Т О Р И К О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

1979

Л Е Н И Н Г Р А Д
« Н А У К А »
Л Е Н И Н Г Р А Д С К О Е О Т Д Е Л Е Н И Е

Л. А. ДМИТРИЕВ, Д. С. ЛИХАЧЕВ,
О. В. ТВОРОГОВ

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Новая русская литература родилась не на берегах Невы по властному мановению Петра. Ее истоки не в литературе западноевропейской, как бы ни были тесны ее связи с литературой мировой.

Русской литературе тысяча лет и развитие ее было непрерывным и подчиняющимся собственным закономерностям. Сближение русской литературы с литературой Западной Европы было естественным следствием ее внутреннего развития, а своими наивысшими достижениями она обязана прежде всего собственному умудряющему опыту — опыту колоссальному, трудному и во многих случаях трагическому, но именно благодаря этому исключительно ценному.

Мы еще многого не знаем и не учитываем в том, какими обстоятельствами сопутствовало появление первых произведений русской литературы в Киеве и Новгороде, а может быть, и в других центрах русской культуры. Опыт фольклорного искусства, опыт судебной, воинской, дипломатической, вечевой устной практики был уже к началу появления письменности на Руси достаточно богат и многоцветен. Послы ездили в иные страны и из одного русского княжества в другое с порученными им «речами», которые произносили затем наизусть. Формулы обычного права также передавались из поколения в поколение изустно и точно. Речи, которыми князья ободряли свои войска перед битвой, были лаконичны и энергичны. На вече политические программы формулировались с железной энергией и почти пословичной определенностью. Слова заклятий и заговоров по своей властности способны были производить огромное впечатление. А лирическая песнь с не меньшей силой развеивала и целила тоску по ушедшим в далекий поход...

Высокая культура языка была уже налицо, когда появилась письменность. Письменность пришла задолго до официального принятия христианства. В ней нуждалась сама усложнившаяся социальная действительность: развивавшиеся торговые связи, сложные договоры с другими странами, необходимость составлять длинные и подробные завещания на накапливавшиеся богатства и т. д.

Но собственно литература возникла и отделилась от деловой письменности с появлением необходимости в художественной и точной форме детально изложить мировую и свою историю, изложить их в легко читаемом повествовании и точно знать слова, нужные для отправления религиозных обрядов вновь воспринятого на Руси христианства.

Именно в этот период установились пока еще зыбкие грани между устным словом, деловой письменностью и письменностью художественной — литературой.

В 80-е годы X века на Руси общегосударственной религией было признано христианство. Это чрезвычайно важное в исторических судьбах Русского государства событие для своего времени имело прогрессивный смысл. Языческая страна приобщалась к наиболее высоко развитой в ту эпоху культуре византийского региона. Приобщение к этой культуре

шло на Руси через посредство южнославянских стран, главным образом через посредство Болгарии.

В рассказе «Повести временных лет» сам акт «крещения Руси» представлен как событие, свершившееся сразу, в один день, как внезапное «прозрение» языческого народа, принявшего «христианскую благодать». Но даже и при такой трактовке крещения Руси летописцем, мы из той же летописи видим, что до официального крещения Руси, датированного летописью 988-м годом, христианское вероучение было довольно широко распространено в Киеве. Прежде чем принять христианство как официальную религию своего государства, князь Владимир Святославич интересовался принципами и сущностью различных вероисповеданий, посылая в разные концы земли своих послов для «испытания» разных вер. Становление древнерусской литературы было чрезвычайно интенсивным: для молодого древнерусского государства, только что вошедшего в число христианских стран восточной Европы, необходимость создания своей литературы наряду с приобщением к общеславянской литературе-посреднице было задачей первостепенной важности. Живой интерес к новой, христианской культуре сочетается с острой потребностью духовного самоутверждения. Совершенно естественно, что до официального крещения в Киевской Руси уже должны были появиться проповедники христианства из Болгарии, а с ними прийти на Русь и тексты на понятном для населения Древней Руси литературном языке славян, созданном Кириллом и Мефодием. Эти тексты составили общий фонд литературы южных и восточных славян. Но помимо этих общих для славянских стран богослужебных, учительных, естественнонаучных и исторических сочинений необходимо было и создание собственных русских произведений. И наиболее вероятно, что таким первым и, возможно, компилятивным произведением является помещенная под 986-м годом в «Повести временных лет» так называемая «Речь философа», входящая в повествование об «испытании» Владимиром вер. Ни летописи, ни какие-либо другие источники, ни дошедшие до нас материалы — ничто не свидетельствует о существовании до «Речи философа» такого древнерусского текста, о котором можно было бы сказать, что перед нами логически и сюжетно завершенное повествование. Таким первым текстом книжно-литературного характера, цельным по смыслу и содержанию, и является «Речь философа». Предшествующий официальному акту принятия христианства период уже подготовил русскую культуру к восприятию столь сложного и совершенного в литературном отношении произведения, как эта «Речь». Перед нами в кратком и умелом изложении вся человеческая история в ее христианском понимании, от «сотворения мира» до первых веков христианства. Это и философский трактат (разумеется, в средневековом, богословском варианте), и стройный сюжетный пересказ различных книг по истории мира.

Таким образом, возникновение русской литературы есть все основания связывать с 80-ми годами X века не только потому, что это годы официального принятия Русью христианства, но и потому, что именно в эти годы было создано и первое собственно русское произведение,¹ которое мы имеем все основания называть литературным. И в 80-е годы нашего столетия русская литература имеет право отмечать свое тысячелетие.

¹ Компилятивность, которая, возможно, была присуща этому произведению, была типичной для средневековых, «неличных» литератур и не исключает права называть его произведением русским, ибо при этом сохранялось творческое отношение к источникам и наличествовали части, написанные самим автором «компиляции». Понятие «компиляции» в применении к средневековым литературам не является оценочным. Компилятивны летописи, хроники и большинство выдающихся произведений средневековых литератур.

Хотя в «Речи философа» нет упоминания о Русской земле, смысл ее заключался в обосновании права и необходимости принятия Русью христианства. Русская земля становилась в ряд других христианских государств, ее история включалась как равная во всемирную историю.

Эти же мысли, но уже с привлечением конкретного материала русской истории, отчетливо звучат в знаменитом «Слове о законе и благодати» первого митрополита из русских — Илариона, произведении, бесспорно созданном русским автором и точно датируемом периодом времени с 1037 по 1050 год.

«Слово» Илариона, отличающееся композиционным совершенством, высокой риторичностью, свидетельствующими о незаурядном литературном таланте автора, своими мыслями и идеями (равенство русского народа со всеми остальными христианскими народами, избрание русскими «благодати» христианства по собственному волеизъявлению, похвала силе и могуществу князей Владимира и Ярослава), отвечало политическим доктринам Ярослава Мудрого, его стремлению освободить русскую церковь от подчинения Византии. Такая направленность «Слова о законе и благодати» придавала ему политическую и публицистическую остроту. По своим идеям и своему содержанию памятник был глубоко патриотичен. Острое чувство гордости своей родиной, тесная связь литературы с политическими идеями своего времени, и вместе с тем критическое отношение к действительности, — все эти черты, присущие «Слову о законе и благодати», являются характерными признаками древнерусской литературы на протяжении всей ее истории.

Уже к раннему периоду истории древнерусской литературы относится возникновение одного из основных жанров древнерусской литературы — русского летописания, свидетельствующего о сильном чувстве историзма и о высоком национальном самосознании. Древнейшим летописным сводом, дошедшим до нас как некое цельное, единое произведение, является «Повесть временных лет», созданная в начале XII века монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. В основе труда Нестора лежит несколько более ранних, предшествующих его работе, летописных сводов (старейший из них датируется 1037-м годом). Историки русского летописания убедительно доказали, какие летописные своды и какого времени лежат в основе «Повести временных лет». Столь же бесспорно и то, что в «Повести временных лет» можно различить и разные по характеру и жанру составные части: сюда входит уже упоминавшаяся нами «Речь философа», рассказы, основанные на легендарно-сказочных преданиях (рассказы о мѣстях Ольги, повесть о Никите Кожемяке, повесть о белгородском киселе и целый ряд других), тексты договоров с греками, посольские речи, рассказы о княжеских преступлениях, рассказы о монахах Киево-Печерского монастыря, краткие рассказы о событиях и многое другое. И обычно к «Повести временных лет» относятся как к сборнику разнородных и разновременных материалов, из которых одни имеют высокое литературное значение, а другие представляют интерес только как исторические источники. Если подходить к «Повести временных лет» только с позиций историка, только с точки зрения генезиса текста произведения, то такой подход, конечно, оправдан. Однако если прочесть всю «Повесть временных лет» как единый литературный текст, то нетрудно убедиться, что представление о ней как о сборнике разнородных материалов не отвечает ее действительной литературной сущности. Все, что входит в «Повесть временных лет» (и договоры русских с греками, и рассказ о смерти Олега, и даже простая отметка того, что о событиях такого-то года летописец ничего сообщить не может), — это составные части единого «литературного ансамбля», и общность его разнородных частей имеет своеобразный «сверхсмысл», кратко и четко сформулированный в самом же заглавии «Повести временных лет», — «откуда есть

пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть». Поэтому-то в летописи все нужно и все важно — и документ, и легенда, и документальный рассказ, и пространное повествование о княжеских междоусобицах, — все это части единого целого — истории возникновения, развития и становления Русской земли. Тесно связаны со всем содержанием «Повести» и отступления ее к событиям мировой истории: история Руси — это часть всемирной истории. Единство «Повести временных лет» создается не только за счет ее единого сюжета — истории Русской земли, но за счет пронизывающей весь памятник идеи патриотизма, гордости за историю своей земли, идеи необходимости уберечь, сохранить все то, что «стяжали отцы и деды». Воспринятый из Византии и Болгарии и развитый на Руси стиль монументального историзма как раз был характерен тем, что произведения слагались из крупных «блоков», ложившихся друг на друга «насухо», без особых приемов их промежуточного соединения.

Было бы, однако, неверным видеть в названных нами произведениях только стремление прославить прошлое и настоящее Русской земли. С самого начала древнерусская литература носила ярко выраженный учительный характер. Термин «поучение» в заглавиях древнерусских произведений встречается отнюдь не реже, чем термин «похвала». Древнерусский писатель видел свою задачу не только в том, чтобы запечатлеть в слове события истории своей страны, но и в том, чтобы учить людей тому, как нужно жить. Нравоучительный характер носила не только церковная литература: осуждение княжеских междоусобиц — одна из ведущих тем «Повести временных лет». Наставительный характер носит одно из замечательнейших произведений раннего периода древнерусской литературы — «Поучение» Владимира Мономаха (наиболее вероятное время написания «Поучения» — 1117 год). В этом поучении затрагиваются вопросы и жизненно-бытового поведения, и общечеловеческой этики и морали, и обязанности князя перед своими подданными.

Действенность нравоучительных сентенций, а также то, что эти нравоучения авторы их не боялись адресовать самым сильным людям мира сего, красноречиво изображены в одном из первых житийных произведений Древней Руси — в «Житии Феодосия Печерского», написанном Нестором в 80-х годах XI века. Феодосий, осуждая князя Святослава, захватившего великокняжеский киевский стол у старшего брата Изяслава, послал Святославу «епистолию велику зело, обличая того». «Епистолия» эта, т. е. поучение, послание, произвела столь сильное впечатление на князя, что тот, «разгневался зело», «яко лев рыкнув», швырнул послание Феодосия на землю. С самого начала своего существования русская литература играла большую воспитательную роль, что остро осознавалось и писателями, и теми, к кому писатели обращали свои сочинения.

Русская литература уже в начальный период своей истории отличается гражданственностью: литература тесно связана с историей, писатели откликаются на важнейшие события политической жизни страны, они не безучастные наблюдатели и фиксаторы происходящего, а взволнованные участники того, что совершается на их глазах. Литература активно вмешивается в происходящее, обличает, наставляет, поучает, воспитывает. И все это обуславливает огромную роль литературы в жизни страны. Не случайно письменным словом обличает князя игумен Киево-Печерского монастыря, к письменному слову прибегает Владимир Мономах, чтобы завещать своим потомкам этические нормы поведения князя, стоящего у кормила правления Русской землей. Умудренного жизненным опытом князя Владимира Мономаха, опытного государственного мужа и талантливого воина и полководца, тревожат междоусобицы, раздирающие русские княжества, и, заботясь о будущих судьбах своей родины, он на склоне лет пишет свое «Поучение».

Общественно-политические идеалы, публицистичность, учительный пафос древнерусской литературы представляли в отдельных произведениях в многообразии жанров, в высоком искусстве слова. В начальный период своего развития жанровая система древнерусской литературы была тесно связана с системой жанров византийской и древнеболгарской литератур — слова, поучения, агиография. Но на русской почве эти традиционные жанры, насчитывавшие многовековую историю существования, принимали свои национальные формы, темами их становились факты и события русской истории, русской жизни. Русское летописание было связано с жанром византийских хроник, летописцы обращались к этим хроникам, черпая из них материал по всемирной истории, но сама русская летопись и в жанровом отношении, и по форме своего построения отнюдь не являлась русским вариантом каких бы то ни было средневековых хроник. То же самое мы можем сказать и об агиографическом жанре. Уже самые ранние из дошедших до нас оригинальных русских житий, «Сказание о Борисе и Глебе» и Несторово «Житие Феодосия Печерского», придерживаясь выработанных на византийской почве канонов агиографии, тем не менее во многом, и по материалу, и по форме изложения этого материала, и по характеру отношения к рассказываемому, отличались высокой самобытностью.

Большое значение в становлении и развитии древнерусской литературы имело взаимодействие литературы с устным народным творчеством. Возникнув в 80-е годы X века, русская литература и в своих жанрах, и в стилистических приемах шла по пути развития, что-то совершенствуя, преодолевая, изменяя, создавая новое. И ряд литературных памятников Древней Руси находится как бы на грани разных жанров, не входит в определенную жанровую систему, хотя вместе с тем они прочно связаны с особенностями поэтики древнерусской литературы. К таким произведениям, стоящим вне жанровых систем литературы и фольклора, относится и «Слово о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве», памятник, стоящий в одном ряду с величайшими произведениями мировой литературы, было создано в конце 80-х годов XII века, т. е. через два столетия после «Речи философа». И «Слово» может расцениваться как определенный итог развития древнерусской литературы в начальный период ее существования. Несмотря на свою краткость, «Слово о полку Игореве» воплотило в себе все предшествующие достижения русской литературы. Тонко и точно определил основной идейный смысл «Слова о полку Игореве» К. Маркс: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ». ² В этом призыве автора «Слова» отразилась гражданственность его позиций по отношению к происходящим событиям, прозорливость человека, видевшего невзгоды своей родины. Подобно своим предшественникам, автор «Слова» и гордился славой Руси, и воздавал хвалу мужеству и воинской доблести своих героев, и вместе с тем осуждал князей за междоусобицы, скорбел о бедах трудового люда, простых «ратаев» (пахарей), которые страдали от тяжелых последствий этих усобиц.

Хотя «Слово о полку Игореве» стоит вне жанровых систем своего времени, аналогии и к отдельным поэтическим тропам, и к отдельным образам, и к стилистическим оборотам могут быть обнаружены и в памятниках политического и торжественного красноречия, и в поучениях, и в княжеских жизнеописаниях, и в повествованиях о воинских походах. Вместе с тем «Слово», тесно связанное с устным народным творчеством, сочетает в себе особенности двух фольклорных по происхождению жан-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 16.

ров — плачей и слав. Как произведение определенной эпохи, «Слово о полку Игореве» подчинено поэтике своего времени, но, как каждое гениальное творение, оно единственно и неповторимо.

Задачи и темы русской литературы со времени ее возникновения до монголо-татарского нашествия определили ее стиль — стиль монументального историзма.

В 1223 году на реке Калке произошло первое столкновение русских с монголо-татарами. Осенью 1237 года монголо-татарские полчища, руководимые ханом Батыем, вторглись на Русь. Первый удар был нанесен Рязанскому княжеству, за Рязанским княжеством поочередно были захвачены и разгромлены и другие русские княжества. В 1240 году пал Киев. Русская земля почти на два с половиной столетия оказалась под чужеземным владычеством. Несмотря на катастрофический разгром русских княжеств, на экономический, политический и моральный гнет монголо-татарского ига, русские земли смогли морально противостоять этому владычеству, сохранить свою национальную и культурную самобытность и в дальнейшем полностью освободиться от чужеземного господства. Огромную роль в этом процессе духовного противостояния русских монголо-татарам сыграла литература. Литература, и особенно летопись, объединяла всех русских людей, напоминала о былой независимости Руси, ее славе и могуществе.

Древнерусские литературные памятники этой эпохи воспевали героизм и мужество русских людей в их борьбе с захватчиками, призывали к борьбе с врагом, к моральному и духовному самоусовершенствованию, видя в обрушившихся несчастиях кару за греховную жизнь, за общественные неурядицы, говорили о невозможности компромисса с завоевателями. Литература эпохи монголо-татарского нашествия и ига носила особенно ярко выраженный патриотический характер. Монументально-исторический стиль в это время приобретает экспрессивный оттенок: создаваемые произведения несут на себе трагический отпечаток, отличаются лирической, эмоциональной приподнятостью.

В произведениях этой эпохи ярко рисуются мужество и самоотверженность русских воинов в их неравной борьбе с беспощадным и многочисленным врагом. Борьба эта не равная и оканчивается она гибелью русских воинов и жителей русских городов и сел. Однако иного выхода, кроме бескомпромиссной борьбы, авторы произведений о монголо-татарском завоевании не видят и не стремятся предлагать. Как ни безнадежна борьба с врагом — она необходима. В одном из лучших произведений этой эпохи и всей древнерусской литературы вообще — в «Повести о разорении Рязани Батыем» — великий князь рязанский Юрий Ингорович, призывая воинов на борьбу с Батыем, говорит: «Лутче нам смертью живота купити, нежели в поганой воли быти». В даже словесно близкой форме эта же мысль прозвучала еще в «Слове о полку Игореве»: «Лутче жъ бы потяту быти, неже полонену быти». И этот мотив — лучше погибнуть в бою, чем жить в рабстве, — звучит, по существу, во всех произведениях, посвященных борьбе с монголо-татарскими захватчиками. Заканчивая рассказ о борьбе рязанцев с силами Батыя, автор «Повести о разорении Рязани» рисует страшную картину: убиты все — и воины, и жители Рязани, так что некому даже оплакать погибших: «и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду», ибо «вси вкупе мертви лежаща». Гибнет в неравном бою и богатырь Евпатий Коловрат и вся его богатырская дружина. И все же произведение это, как и другие произведения на эту тему, не только трагично и героично, но и оптимистично: духовная победа на стороне рязанцев. Признание этой победы автор вкладывает в уста татарских военачальников и самого Батыя. Глядя на поверженного Евпатия, Батый восклицает: «Аще бы у меня такой слу-

жил — держал бых его против сердца своего». Мажорно звучит и завершающая «Повесть» «Похвала роду рязанских князей», в которой восхваляется бывшее величие и слава князей Рязанского княжества. По смыслу к этой похвале близок дошедший до нас в виде предисловия к «Повести о житии Александра Невского» отрывок из «Слова о погибели Русской земли». «Слово о погибели» было создано вскоре после 1237 года (во всяком случае, не позже 1246 года), и в сохранившемся отрывке с повышенной эмоциональностью прославляется красота, слава и величие Русской земли, сила и могущество старых русских князей: «О светло светлая и украсно украшена земля Руськая!..» В похвалах «Слова о погибели» и «Повести о разорении Рязани Батыем» звучали не только печаль и сожаление о былом величии и славе Русской земли — похвалы эти заставляли людей с надеждой смотреть на будущее, верить в то, что слава эта вернется вновь.

В конце XIV и в XV веке происходит обращение ко временам национальной независимости во всех областях русской культуры. В литературе это дает себя знать в интересе к переписыванию старых произведений XI—XIII веков. Литература обращается к «Слову о законе и благодати», к «Повести временных лет», к произведениям Кирилла Туровского, к «Житию Александра Невского», к «Слову о погибели Русской земли», к «Повести о разорении Рязани Батыем», к «Похвале роду рязанских князей» и, конечно же, к «Слову о полку Игореве».

Эпоха независимости Руси предстает в роли «своей античности». Постепенно возникает то характерное для Руси явление, которое могло бы быть определено как «замедленный Ренессанс». Ренессансные явления, необходимые для перехода к культуре нового времени, растянулись на несколько веков, в результате чего интерес к западноевропейскому Ренессансу стал особенно актуальным в XVIII веке и в первой трети XIX века, включая творчество Пушкина.

За сто лет до окончательного свержения монголо-татарского ига, в 1380 году, на Куликовом поле произошло грандиозное сражение объединенных сил части русских княжеств, руководимых великим князем московским Дмитрием Ивановичем Донским, с войском многочисленных народов, подвластных Золотой Орде, под предводительством хана Мамаю. Битва на Куликовом поле закончилась полным разгромом армии Мамаю (откуда ее второе название — Мамаево побоище). Это была первая большая победа русских над своими поработителями. И хотя окончательное падение золотоордынского ига свершилось лишь через сто лет, хотя в Куликовской битве русские понесли исключительно большие потери, это была колоссальной политической важности победа, явившаяся переломным моментом во взаимоотношениях Руси с Ордой. В сознании русских с этой победы Русская земля приобретала свою самостоятельность. И это подтверждается тем, что никакому другому событию в истории Древней Руси не посвящено столько литературных произведений, как битве на Куликовом поле в 1380 году. И литературные памятники о Мамаевом побоище интересовали и волновали древнерусского читателя не только потому, что они были посвящены именно этому событию, но и потому, что они имели огромное идеологическое и моральное значение в продолжавшейся борьбе с монголо-татарами до самого 1480 года, когда Русь окончательно перестала выплачивать дань Орде.

Именно с этой поры — со времени борьбы с монголо-татарским игом — русская литература приобрела ту исключительную роль в исторических судьбах русского народа, которую, с уверенностью можно сказать, не имела и не имеет ни одна литература мира.

Русская литература — это не только кафедра, с которой всегда раздавалось учительное слово, но и политическая трибуна, с которой произносились действенные призывы национального и революционного харак-

тера. Русская литература всегда служила формированию общественного мнения и национального самосознания. В этом она укрепилась в Древней Руси и стала особенно значительной в новой России XIX и XX веков.

Еще одна важная черта характеризует русскую литературу на всем протяжении ее развития. Эта черта сформировалась еще в XI веке и она в какой-то мере «наследственна» — она продолжила собой то направление, которое придали своей деятельности болгарские просветители Кирилл и Мефодий и их ученики. Последние не ограничились своей задачей только просветительской деятельностью среди своих единоплеменников. Они проповедовали для *всех* славян и считали себя деятелями *всего* человечества.

Уже в знаменитом «Слове о законе и благодати» Илариона говорилось о месте Руси среди народов всего мира и историческая миссия русского народа воспринималась как миссия всемирно-историческая.

В «Повести временных лет» русская история — продолжение истории мировой. В походах первых русских князей, подчеркивает летопись, принимают участие все народы Руси. Русь объединяет собой различные племена — и славянские, и угро-финские, и тюркские. В лоно Руси входят и скандинавы — варяги, переехавшие на Русь как торговцы или военные наймиты.

В Киеве один из богатых боярских домов принадлежит «Чудину», т. е. представителю угро-финского племени «чудь» (эсты). В Новгороде целая улица называлась Чудинцева.

К храму Бориса и Глеба в Вышгороде, согласно их житию, собираются люди разных стран — из самых отдаленных частей известного тогда мира.

Никакой идеи национальной исключительности, ненависти или презрения к другим народам никогда не выражалось ни в одном произведении русской литературы. Ненависть обращена на предводителей вражеского войска, но не на отдельные народы как таковые. И что любопытно и примечательно. Особенно страшные нашествия — это, как подчеркивают литературные произведения, всегда нашествия многих народов. Со многими народами, таинственными и неизвестными, идет на Русь Батый, идет Тамерлан — Темир-Аксак, идет Магнус, идет Стефан Баторий. Народы увлекаются на Русь волей надменного и самонадеянного завоевателя. Подавляющее большинство воинских повестей Древней Руси посвящено оборонительным войнам. И во всех них отмечается мужество не только русских, но и их врагов.

Единственная из всех «историй», рассказывающая о присоединении Казанского ханства к России, — «Казанская история» — постоянно подчеркивает мужество казацев, сочувствует им и передает лирический и вдохновенный плач казанской царицы Сююмбеки о былой славе Казанского царства. Русские писатели умели проникновенно понимать чувства врагов и никогда не страдали национальной узостью и ограниченностью. Это не было только особенностью литературы. С присоединением татарских земель татарская знать принималась как равная в русское дворянство и ей сразу же поручались самые важные должности — не исключая военных. Такова была власть идей русской литературы, всегда отличавшейся открытым характером по отношению к другим народам и к их культурным ценностям.

Чуждая национальной ограниченности и исполненная в то же время национального достоинства русская историографическая мысль XV—XVI веков воплотила свои идеи в монументальных литературных памятниках. Летописно-хронографические своды этого времени не механически объединили сведения по русской и всемирной истории, но самим этим объединением, самой композицией своей подчеркивали значительность русской истории во вселенских масштабах, напоминали о месте Руси как преемницы Византии в восточноевропейском христианском мире.

Открытость русской литературы позволила ей творчески воспринимать все лучшие достижения других литератур: в древнейшем периоде — византийской, болгарской, сербской, ближневосточных, в более поздний период — чешской и польской, а на переломе XVII—XVIII веков свободно и легко влиться в общее развитие литератур всей Европы, в настоящее же время воспринимать лучшие достижения литератур всего мира и стать во главе мирового литературного развития.

Одна из самых примечательных черт Пушкина — освоение им лучших традиций многих литератур мира. Пушкин — русский из русских — был одновременно открывателем поэтических достижений Востока и Запада. Эта черта Пушкина, его «всечеловечность», — важнейшая и традиционная черта русской литературы на всем пути ее развития, начиная с конца X—XI веков.

Она особенно важна и для нас, когда Россия стала во главе прогрессивного развития человечества.

Литературное развитие в XVII веке обнаружило и еще одну чрезвычайно важную для древнерусской литературы черту — способность ее оглядываться на самое себя и критически оценивать, пересматривать свои наиболее окостеневшие формальные приемы. Речь идет о сатирической литературе XVII века, честь открытия и фундаментального исследования которой принадлежит В. П. Адриановой-Перетц. Сатирические произведения не только откликались на отрицательные явления самой жизни — контраст между бедностью и богатством, несправедность суда, падение нравов монашества и духовенства и т. д., но пародировали и устоявшиеся традиционные формы памятников литературы или деловой письменности. Именно на этом фоне следует рассматривать и творчество Аввакума — прежде всего язык и слог его произведений, нарочито разрушающий словесный этикет и даже провозглашающий это нарушение как свою эстетическую позицию.

Среди отличительных черт древнерусской литературы, определивших ее специфику и вместе с тем оказавших существенное влияние на развитие литературы нового времени, особенно заметна роль искусства слова.

В выделении «искусства слова» из литературы, не существующей вне словесной формы, нет ничего необычного. Для древнерусской литературы характерно повышенное внимание к слогу, к образности и эмоциональности языка. Если говорить о том, какие средства эстетического воздействия литература утратила в процессе своего развития, то следует прежде всего вспомнить об утрате высокого риторического искусства, целой системы выразительных поэтических формул-метафор, символов, сравнений и т. д., которые, впрочем, уже в самой древнерусской литературе со временем утратили первоначальную свежесть и превратились в риторические штампы. Об этой утрате не следует жалеть, ибо стремление литературы к более точному и глубокому отражению жизни предъявляло к языку произведений совершенно иные требования, и все же нельзя забывать о той огромной роли, которую сыграла организованная и украшенная речь в древнерусской литературе, придавая произведениям черты праздничности, парадности, отрешенности от обыденного и повседневного.

Древнерусский литературный язык, в начальный период своего сложения гармонично сочетавший богатство восточнославянской устной речи и староболгарского книжного языка, оказался способным к свободному выражению самых разнообразных сфер человеческого бытия и мышления. В древнерусской литературе мы встретим и изящную простоту повествования народных легенд или патериковых рассказов, и сложнейшие философские или богословские рассуждения, протокольную лаконичность летописных погодных записей и изощренное плетение словес в агиогра-

фических памятниках XV века; непринужденная изящность рассказа о судьбе мудрой Февронии или отрока Григория (из «Повести о Тверском Отроче монастыре») современна бурной экспрессии слога «Русского хронографа», парадному велеречию «Казанской истории», нарочитой усложненности исторических сочинений Смутного времени.

Язык древнерусской гимнографии, торжественной и учительной проповеди, исторического повествования, богословского трактата сохранил высокое риторическое искусство, унаследованное от античности византийскими, а позднее болгарскими, русскими, сербскими писателями. Кирилл Туровский, Епифаний Премудрый, Пахомий Логофет и многие другие известные и известные авторы не уступают в своем мастерстве прославленным византийским или южнославянским проповедникам и агиографам. Именно памятники «высокой» литературы представляли древнерусскую культуру в глазах писателей и ученых XVIII века, а язык этих произведений служил неперемным аргументом «архаистов» в литературной полемике XVIII—начала XIX веков о характере и тенденциях развития русского литературного языка.

Процесс литературного развития непрерывен. Те условные перерывы и грани, которые выделяет в этом процессе исследовательская мысль, даже если такие рубежи выделены обоснованно, не означают, что на новом этапе все прошлое безусловно отбрасывается и перечеркивается новым. И, совершенно естественно, что важнейшие традиции древнерусской литературы — ее гражданственность и патриотический пафос, ее настойчивый интерес к духовному самосовершенствованию человека, ее способность к «самоочищению», к отрицанию изживших себя и окостеневших литературных канонов и приемов, удивительное богатство и гибкость русского литературного языка — все эти особенности остались живы в русской литературе нового времени.

Если мы взглянем на новую русскую литературу с намерением выделить в ней то, что определено ее многовековыми традициями, то должны будем обратить внимание на два исконных древнерусских слоя. Один лежит на поверхности: это сюжеты, темы древнерусской истории или древнерусских литературных произведений как оригинальных, так и переводных, используемых писателями нового времени. Отдельные сюжеты и темы такого рода мы в изобилии встретим в сочинениях конца XVIII века, когда мысль писателей начинала шире обращаться к русскому фольклору и к древнерусской литературе; в патриотических произведениях, обусловленных событиями Отечественной войны. Древнерусские темы мы встретим у писателей-декабристов, искавших в русском прошлом героического и, в частности, борьбы за свободу. Их встретим, разумеется, у Пушкина, у Толстого (особенно в последний период его творчества), у Лескова и у очень многих других русских писателей. Особая тема — отражение в русской поэзии XIX и XX веков мотивов и отдельных образов «Слова о полку Игореве». Цикл стихов о России А. Блока особенно показателен.

Но другой древнерусский слой сначала незаметен. Он выявляется постепенно, по мере того как мы изучаем общие направления развития русской литературы на всем ее протяжении. Это слой, который мы могли бы назвать «древнерусским субстратом» новой русской литературы. Формы и значения этого субстрата мощны и разнообразны. Здесь и нравственные концепции, в том числе и исторические, которые развились в древней русской литературе и перешли в новую (как например, из древнерусских воинских повестей — в «Войну и мир» Л. Н. Толстого). Здесь и извечная борьба с «дурной литературностью», с канонами литературной красоты и «литературного этикета» (с ними боролись Аввакум и Толстой, Афанасий Никитин и Достоевский). Это и высокая гражданственность литературы, ее общее общественно-критическое направле-

ние, зародившееся еще в XI веке и перешедшее в критический реализм XIX века. Это и ее патриотизм, исконно и органически соединявшийся с уважением к другим народам — большим и малым. Это и связь с трудовым народом, с крестьянской культурой, которая столь характерна и для современной советской литературы, особенно в ее так называемой «деревенской прозе».

Обращаясь мыслью к тысячелетнему пути русской литературы, невольно поражаешься его удивительной значительности. Линия развития, как линия горного хребта. Отдельные вершины объединяются, и издали кажется, что перед нами одна гигантская гора, силуэт которой отличается необыкновенной красотой. Линия развития потому так красива, что проведена рукой талантливого художника — народа. Народ талантлив, особенно когда испытал трагическую судьбу, когда за его плечами многовековой опыт страданий и нравственных побед, когда эстетические искания сливаются с исканиями мировоззренческими, исканиями социального и национального идеала.

Талантлив не один русский народ, но всякий народ, испытавший на себе ярмо чужеземного ига и классового угнетения, однако не поддавшийся ни тому, ни другому и сохранивший и развивший свою человечность и открытость по отношению ко всем другим культурам. Русская литература всегда шла рядом со своим народом, испытывая вместе с ним все превратности его судьбы и совершенствуя свою веру в человека и надежду на лучшее будущее.

Отмечая в преддверии тысячелетия русской литературы ее высокие достоинства, мы вместе с тем с особым чувством осознаем, что праздник тысячелетия русской литературы будет в 80-х годах одновременно и праздником тысячелетия литератур украинской и белорусской. У нас общее начало, общие традиции и общее великое торжество, еще и еще раз подчеркивающее наше братство, нашу общность.

